

Стремление к будущему — это любовь к жизни, в самом всеобъемлющем понимании данного чувства, это гиперконцентрация древнейшего инстинкта самосохранения, сохранения рода человеческого...

Исаев Сергей Викторович

Пролог

Земля. Мегалополис Москва

Совершенно секретно.

Верховному главнокомандующему, Президенту Российской Федерации Маркову Андрею Игнатьевичу.

Довожу до Вашего сведения, что сегодня, 2 августа 2077 года, получен зашифрованный сигнал из системы Проксимы Центавра (Новая Земля).

Колониальный транспорт «Россия» с пятью миллионами поселенцев на борту вышел на орбиту Новой Земли. Девяносто девять и семь десятых процента криогенно-биореструктивных модулей успешно завершили заданные программы, на борту колониального транспорта введен график пробуждения групп колонистов.

По данным орбитального сканирования, на планете наблюдается запланированная инфраструктура поселений, возведенная механизмами с борта технического транспорта «Первопроходец». Установлен

контакт с Антоном и Элизабет Изваловыми. Они сообщили, что все работы произведены согласно установленному плану и планета готова принять поселенцев.

Тестирование рассудка колонистов после операций биореструктивного восстановления и перемещения сознания с искусственных носителей на биологические показало полную адекватность личностей. Все контрольные операции проводились на виртуальных мощностях «России».

Таким образом, считаю, что, согласно полученной информации, перелет осуществлен успешно.

Командующий Военно-Космическими силами Российской Федерации адмирал Дягилев.

Президент России Андрей Игнатьевич Марков назначил совещание Совета Безопасности на одиннадцать утра.

Сейчас он находился один в гулкой тиши огромного кабинета.

На его столе лежало донесение, полученное из центра космической связи. Каждое слово текста вызывало трепетное чувство *победы* над пространством и временем: думалось ли ему, двадцатилетнему выпускнику Академии Астронавтики, что полет колониального транспорта «Россия», на борту которого покинули Землю пять миллионов добровольцев, прошедших жесточайший конкурсный отбор, завершится в годы его президентского правления?

Конечно, тогда он и не мечтал стать президентом, но так уж сложилась жизнь.

Значит, все расчеты оказались полностью верны, сложнейшая аппаратура колониального транспорта

не подвела, и скупые строки отчета, отпечатанные на обычном листе пластбумаги, дают ему право открыть миллионам сограждан путь к звездам, к новой жизни, о которой уже не грезилось...

Сегодня. Сегодня ему предстоит принять историческое решение, но прежде стоило вспомнить, сколько сил, сколько жизней отдано его подготовке...

Странно, но думалось не об этом. Андрей Игнатьевич стоял у окна, глядя на безобразно разросшийся мегаполис, на кажущийся темной каплей купол из сверхпрочного стекла, под которым от разрушающего влияния окружающей среды спрятан архитектурный ансамбль Кремля, на редкие полоски нездоровой зелени, что приютились на специальных выступах сверхнебоскребов...

Старушка-Земля...

Как же мы обошлись с тобой за полтора века технологического развития?

Нет, мы тебя не бросим, не побежим от содеянного нашими же руками. Ты очнешься, ты вновь помолодеешь, я обещаю тебе...

Мысли президента были прерваны негромким докладом электронного секретаря:

— К вам члены Совета Безопасности.

— Впусти.

* * *

Мегаполис Центр-7

— Они отобрали у нас все! — Матвей Иванович вышел из машины, хотел захлопнуть водительскую дверцу, но сервомоторы не позволили. Глянцевитосерая створка с тихим шелестом начала самостоя-

тельно и плавно смещаться, пока не раздался характерный звук сработавшего уплотнителя герметизации салона.

— Не понимаю, что вас так расстроило, господин Глатышев? — Менеджер по продажам присел рядышком, не побоявшись зазеленить свой костюм. — Машина великолепная, полный автомат...

— В том и дело, что полный автомат, — хмуро отозвался Матвей Иванович, искоса поглядывая на шикарное авто. — Идиотизм! — с внезапной яростью выдохнул он. — Тебя как зовут? — спросил Глатышев, не обращая внимания на персонофикатор, прикрепленный к нагрудному карману сотрудника автосалона.

— Игорь, — машинально отозвался тот. — Я, конечно, понимаю вас, но поймите и вы: при современной интенсивности движения человеческий фактор на дорогах стал залогом неоправданного риска...

Матвей Иванович слушал его, понимая, что эмоции уже перехлестнули через край и ничем хорошим посещение автосалона не завершится. Себя-то он знал.

— Извините, — растрчивая последние крохи сдержанности, произнес он. — Машина действительно хорошая. Я подумаю и... зайду позже.

Не оглядываясь, он пошел к выходу с территории частного автодрома. Драйв-тест окончательно вывел его из себя, а еще утром казалось, что неприятности позади.

Они отняли у меня небо. Теперь отнимают остальное. Медленно, незаметно, исподволь, под благовидными предложениями, против которых и возражать-то нечем.

Он хорошо помнил массовую пиар-кампанию 2050 года. Конечно, преподносилось все умно, и лю-

бые возражения отдельных пилотов на фоне угрожающей статистики авиакатастроф, причиной которых официальные комиссии раз за разом называли все тот же «человеческий фактор», выглядели едва ли не кощунственно по отношению к многочисленным жертвам. Но он-то знал — проблему упростили до полнейшего безобразия.

«Мы сами роем яму, в которую неизбежно сверзимся. Сегодня мы отдали компьютерам небо, чуть раньше — космос, контроль дорожного движения, средства связи, а что в итоге остается человеку?»

Бывший полковник ВКС России Матвей Иванович Глатышев, пятидесяти пяти лет от роду, десять из них пилотировал аэрокосмический истребитель седьмого поколения, затем, когда на смену человеку полностью пришел бортовой компьютер, перевелся в гражданскую авиацию, но и там успел полетать столько же, — пилотов на гражданских авиалиниях вытеснила все та же система НаКС¹.

Для человека непосвященного все выглядело логично. Резкое увеличение авиакатастроф действительно являлось проблемой, которую нужно было решать, но Матвей Иванович знал всю кухню изнутри и лучше других осознавал: у него отняли небо. Отняли за деньги.

И пилоты, и техники прекрасно понимали: существуют надежные полуавтоматические системы, которые при элементарном дублировании обеспечивают практически стопроцентную безопасность полетов, не подменяя при этом человека, а лишь помогая ему. Стоимость подобных бортовых подсистем не превышала одной трети от стоимости самого авиа-

 1

НаКС — Навигационная кибернетическая система.

лайнера. Другое дело НаКС. Кибернетический мозг с модулями искусственного интеллекта, полностью заменяющий весь экипаж, при установке на два-три авиалайнера превращал небольшие авиакомпании в банкротов, а крупные в должников.

Не в деньгах дело... Катастрофы прекратились, но Матвей Иванович знал — кровью погибших людей и памятью оболганных пилотов транснациональная корпорация «Инфолайн» обеспечила своему детищу рынок сбыта. В своих мыслях Глатышев не был голословен. Сам являлся свидетелем случаев внезапного отказа проверенных и надежных полуавтоматических систем пилотирования: дважды он находился на тонкой грани между жизнью и смертью, и дважды человеческий фактор в лице капитана Глатышева и его экипажа доказал свою состоятельность, успешно завершив оба рейса на ручном управлении.

По внезапным отказам оборудования он писал рапорты, но делу так и не был дан ход. Тогда Матвей Иванович провел собственное расследование, вскрыв ужаснувшие его факты: в обоих случаях отказ оборудования был вызван не поломками подсистем, а их принудительным отключением командой со спутников.

Конечно, Матвей Иванович испытал сильнейший шок, но рассказывать никому ничего не стал, однако с той поры исподволь расспрашивал пилотов и техников, собирал то и дело мелькавшие в глобальной сети Интернета свидетельства пилотов иностранных компаний, и все сходилось один к одному, вот только доказать он ничего не мог.

Система «Аэрокиборг» прочно заняла свое место на борту девяноста девяти процентов авиалайнеров. Миллиарды, истраченные во имя безопасности и устранения риска воздействия человеческого факто-

ра, легли на банковские счета корпорации «Инфолайн», а он, так же как десятки тысяч других пилотов, был отправлен на пенсию.

Однако Глатышев был упрям — снова вернулся в ВКС, пилотом-испытателем, но проект «Витязь», который он возглавлял, вскоре закрыли, с сухой и серой формулировкой «за отсутствием перспектив развития».

...И вот, этим солнечным мартовским утром, он понял: у него отняли право водить собственный автомобиль.

Матвей Иванович покинул автосалон в состоянии тихого бешенства.

Пытаясь обуздать скверное настроение, он попробовал мыслить теми самыми пресловутыми категориями безопасности, и опять в который раз пришел к выводу — не нужен тотальный контроль, достаточно нескольких грамотно разработанных аварийных подсистем, чтобы автомобиль стал безопасным средством передвижения.

Он хотел бы, но никак не мог отделаться от ощущения, что у него уже отняли право быть человеком.

Куда ни посмотри, к какой сфере деятельности ни обратись — везде его жизнь зависела от кибернетических систем и механизмов. Он еще мог самостоятельно передвигаться, подносить ложку ко рту, но, наверное, не более того. Весь мир сидел на «игле» информационных технологий, и исчезни вдруг все, — все машины, все компьютерные сети, — цивилизация попросту рухнет. Воцарится хаос. Люди уже не смогут выкарабкаться самостоятельно. Кто из них сумеет поднять в воздух самолет? Кто сможет управлять автомобилем без автопилота?

Было горько думать об этом, но именно сегодня

Глатышев с полной ясностью осознал, что становится бесполезным придатком стремительно развивающегося на его глазах мира машин.

Мира, в котором от него уже ничего не зависит.

И он решил для себя — нужно бежать. Слава богу, просторы Родины позволяли, оставались еще глухие леса, где не ступала нога человека или серва — новомодного в ту пору детища высоких технологий.

Так и ушел. Расстался без жалости с комфортным узилищем городской квартиры и подался в самую глухомань, в тайгу, подальше от мегаполисов и сервомеханизмов.

* * *

Мегаполис Москва...

Заседание Совбеза завершилось далеко за полночь.

Андрей Игнатьевич смертельно устал, но непосильные моральные нагрузки в последние годы стали для него нормой бытия.

Слишком близким и отчасти неожиданным оказалось будущее, наступления которого ждали, но, как выяснилось, не были готовы принять его, прежде всего в плане взрывного развития кибернетики и резкого перехода на новую форму энергоносителей.

Все началось в 90-х годах XX века, когда американский военный кибернетик Герберт Ричардсон изобрел искусственный нейромодуль — тонкую планку, чем-то похожую на древние модули памяти, которая заключала в себе до десяти тысяч искусственных нейронов. Компактность и надежность искусственного нейромодуля позволили строить на его базе сложные архитектуры нейросетей, — засекреченные

эксперименты в данной области привели к созданию искусственного мозга.

Позже, в первые годы третьего тысячелетия, в России и США независимо друг от друга ученые пришли к созданию так называемого конвектора вещества, — компактного прибора, превращающего вещество в энергию. Главным элементом конвектора являлись пластины, изготовленные из уникального сплава, полученного при совместном Американско-Российском эксперименте на борту МКС.

Сочетая оба открытия, американские ученые взялись за создание парка боевых и бытовых сервомеханизмов, в то время как Россия использовала открытие нового источника энергии для организации первой межзвездной экспедиции в систему Проксимы Центавра, где была обнаружена пригодная для жизни планета кислородного типа, свободная от разумных или предразумных биологических форм¹.

Открытие Герберта Ричардсона не принесло Соединенным Штатам мирового господства. В результате серии неудачных экспериментов по созданию и боевому испытанию сервомеханизмов андроидного типа (по замыслу военных, они не должны были от-

¹

Система Центавра — ближайшая к нам тройная звезда, хотя Альфу и Бету системы многие ошибочно называют двойной. На самом деле третья звезда — Проксима обращается вокруг тесной пары солнц на достаточном удалении от них.

Эволюция тесных двойных звезд неизбежно сопровождается периодическим обменом звездного вещества между компонентами системы — явлением катастрофическим, губительным для любых форм жизни. Проксима Центавра удалена от общего центра масс тройной системы на такое расстояние, при котором последствия энергетических всплесков уже не оказывают рокового влияния на биосферы планет, обнаруженных у данной звезды.

личаться от людей, то есть противник не подозревал, что имеет дело с машинами, облеченными в пеноплоть) и после загадочного разрушения «города будущего», построенного на территории секретной военной базы «Орлиное Гнездо», технология изготовления нейромодулей стала общедоступной, что привело к взрывообразному развитию робототехники.

Некоторое время на Земле еще сохранялся баланс, как между ведущими мировыми державами, так и между стремительно развивающейся техносферой, и биосферой родной планеты, но к пятидесятым годам третьего тысячелетия стало ясно, что тотальная урбанизация земной поверхности и рост численности населения городов-мегаполисов, накладываясь на бессистемное развитие многих инфраструктур, грозят в ближайшем будущем резким обострением глобальных проблем.

Мысленно употребляя термин «бессистемное развитие инфраструктур», Андрей Игнатьевич подразумевал, что современные мегаполисы выросли на месте исторически существовавших городов, то есть они не планировались «с нуля», и поэтому каждый урбанизированный центр страдал одними и теми же проблемами: города задыхались от переизбытка транспорта, зачастую давления новых уровней не выдерживала земля, лежащая в основе городов-гигантов, а уже сложившаяся архитектура мешала переходу на новые источники энергии, создавала проблемы с повседневным жизнеобеспечением.

Для России, с ее огромными пространствами, конечно, имелся выход — строить и планировать новые города в стороне от уже существующих, но такое решение привело бы к практически полному уничтожению природных зон, к гибели экологии.

Окончательное, радикальное решение продиктовала сама история.

Конфликт, разразившийся между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой, привел к обмену ядерными ударами.

Андрей Игнатьевич вспоминал те годы с неизменной, леденящей душу дрожью.

Казалось, что настал тот самый апокалипсис, пришел конец всему живому на Земле, где после людей, возомнивших себя равными Богу, останутся лишь скелеты городов да немногие пережившие катаклизм планетарного масштаба кибермеханизмы.

Тяжелейшее испытание выдержали суперсовременные технологии. Барьер, защищающий от последствий применения ядерного оружия, разрабатывался в России на протяжении четырех десятилетий, но внедрить установки в производство и оборудовать ими границы сумели только с появлением конвектора вещества.

Как выяснилось — вовремя. Система Глобальной Защиты от ядерного заражения (СГЗ) была активирована задолго до нанесения первых ядерных ударов по сопредельному государству, и с того момента Барьер не выключался ни на минуту, что помогло избежать тотального загрязнения территории Российской Федерации, однако ни одна суперсовременная система уже не могла спасти *планету* от последствий чудовищной катастрофы.

Биосфера на незащищенных территориях гибла или подвергалась тяжелым деформациям; в результате короткой, но ужасающей по глобальности своих последствий войны Соединенные Штаты Америки перестали существовать как государство.

Китай, подвергшийся ядерной атаке, получил

меньший урон, чем Соединенные Штаты, в основном благодаря российской системе ПРО, перехватившей и уничтожившей до семидесяти процентов американских боеголовок.

Последующее десятилетие ознаменовалось созданием Североамериканского союза, а также совместным проектом КНР и объединенной Кореи по колонизации Марса.

Земля пуста, гибли люди, животные и растения, геополитический баланс был не просто нарушен, — его не стало. Многие города-мегаполисы переходили на замкнутые циклы жизнеобеспечения, и только в России благодаря своевременно принятым мерам защиты сохранилось само понятие — природа.

Однако в складывающихся обстоятельствах рост городов и дальнейшее развитие промышленности, при условии поддержания Системы Глобальной Защиты по периметру государственной границы, вели к истощению естественных ресурсов, нарастанию застаревших, не нашедших своего решения проблем, — единственная оставшаяся в мире сверхдержава балансировала на грани, — поддерживать Барьер на протяжении всего периода, пока не стабилизируется радиационная обстановка и исчезнет вероятность заражения территорий, не представлялось возможным из-за чрезмерного энергопотребления (СГЗ плюс города и промышленность). Снять же глобальную защиту границ — означало обречь на гибель миллионы людей.

Именно в этот период, проведя множество расчетов, моделируя ситуации, подсчитывая ресурсы, был найден единственный выход из положения.

Землю можно спасти, цивилизация возродится, а не погибнет, если осуществить проект массовой колонизации Новой Земли.

У России имелось все необходимое для осуществления масштабного проекта переселения. Если направить все имеющиеся ресурсы на постройку двадцати пяти колониальных транспортов, то девяносто процентов граждан смогут обрести новую родину, а на Земле, за продолжающим функционировать Барьером, машины под руководством оставшейся части населения смогли бы провести коренную реконструкцию городов-мегаполисов, проложить инфраструктуры дорог, не нанося при этом ущерба сохраненной частице земной биосферы. Земле предоставят возможность отдохнуть от токсичных выбросов производств, лесам оправиться от вырубок, можно будет восстановить экологический баланс на защищенных территориях. Более того — развитие колониального проекта, подготовка к освоению биосферы иной планеты придали серьезный импульс развитию генной инженерии, выведению новых, стойких к различным неблагоприятным условиям видов растений, что могло найти свое применение не только на новой родине, но и тут, на Земле, где машины по генеральному плану восстановления территорий, завершив работы внутри Барьера, должны были начать выход за него, оживляя мертвые пространства радиоактивных пустошей.

Андрей Игнатьевич ждал того дня, когда первый колониальный транспорт достигнет Новой Земли, и одновременно боялся его.

Двадцать пять межзвездных кораблей ждали своего часа. Теперь опыт пяти миллионов колонистов, успешно перенесших полет, биореконструкцию собственных организмов и перемещение сознания с искусственных носителей (где оно хранилось долгие

годы полета), открывал путь к звездам остальным поселенцам.

За годы ожидания результатов полета были укреплены государственные границы, полностью автоматизированы системы управления, в мировом масштабе достигнуты договоренности, успешно реализован план по полному уничтожению ядерного оружия и производств для получения оружейного плутония.

Четверть века, за которые планировалось реконструировать Россию, а затем усилиями новых поколений восстановить биосферу Земли, должны пройти без войн, ибо только так можно спасти планету от окончательной гибели.

Сегодня на совещании Совета Безопасности было принято решение о начале загрузки первых десяти колониальных транспортов.

Андрей Игнатьевич думал о том, что вскоре на огромных территориях останется менее миллиона человек, — тех, кто не захотел покидать Землю, но взял на себя заботу о поддержании целостности границ России и формировании нового поколения, которому жить на обновленной Земле.

Он тоже оставался тут.

Оставался, чтобы нести свое бремя, передать которое кому-либо считал себя просто не вправе.

* * *

*Земля. Россия. Территория технопарка «Сибирь».
Март 2079 года...*

Тихо шумел кронами вековой лес. Исполинские корпуса производств и научно-исследовательских центров прятались глубоко под корнями могучих де-

ревьев. Не столько в целях маскировки (наличие технопарка выдавали сотни признаков, к которым относились возвышающийся неподалеку мегаполис средних размеров и многоэтажки центров связи, разбросанные по тайге), сколько ради самой природы, которую старались сберечь всеми доступными способами.

Россия, богатая своими просторами, сумела в век высочайших технологий сохранить многие заповедные зоны, чего нельзя было сказать о других, обладавших меньшей площадью, но густонаселенных странах.

Конечно, так было не везде, и капитан Дмитрий Мелех, группу которого готовили к действиям в техногенных зонах вероятного противника, прекрасно знал, как выглядят в современности многие, некогда цветущие уголки Земли.

Сегодня он уходил в Пустошь один — отряд, которым Дмитрий командовал на протяжении последних лет, был расформирован: большинство людей покидали родную планету.

Он оказался в числе немногих, кто еще не определился с выбором. Для колеблющейся части населения было начато строительство еще одного, дополнительного колониального транспорта, его старт из Солнечной системы запланирован на август будущего года, так что времени для принятия окончательного решения предостаточно.

«В последний раз схожу в Пустошь, а там решу», — подумал Мелех, сворачивая к складам РТВ для получения боевой экипировки.

Дима знал: таких как он, не определившихся с выбором, гораздо больше, чем предполагалось. Многие жители других стран потянулись в Россию, по-

следние два-три года шел сплошной поток эмигрантов, и дело тут было даже не в информации о русском колониальном проекте — планета умирала, медленно, но неотвратно. Жить в иных, незащищенных Барьером регионах Земли, становилось все труднее и опаснее.

Пустошь наступала, менялся климат, погибала природа, серии техногенных катастроф уничтожали города, к тому же из лабораторий, расположенных на территории бывшего Китая, началось распространение генетических вирусов — биологического оружия нового поколения. Вырвавшись на свободу, тайные разработки ученых Поднебесной уже нанесли природе и людям больше вреда, чем последствия ядерного конфликта.

В Пустоши появились мутанты; люди, напуганные распространяющейся заразой, стремились любыми средствами попасть на территорию России, а затем покинуть Землю на борту колониальных транспортов.

Прошло всего три года после объявления о начале проекта «Новая Земля», а на родной планете бывшие государства остались только на старых политических картах мира.

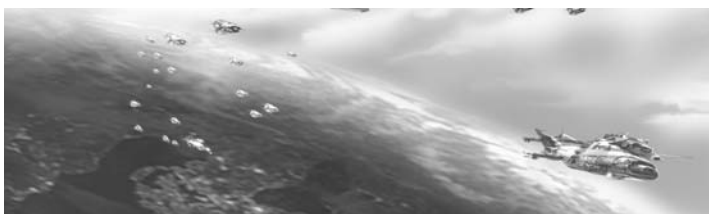
Земля стремительно пустела, но многие коренные россияне не спешили с окончательным выбором. Им, пережившим глобальную катастрофу за Барьером, казалось, что все еще наладится.

Капитан Мелех не строил иллюзий по данному поводу.

Он просто не торопился, зная, что кому-то нужно ходить за Барьер, а строящийся транспорт явно не станет последним.

«К своему старту я всегда успею. А пока посмотрим».

Мелеху просто не хотелось терять ни минуты жизни. В любом случае космические корабли уйдут из Солнечной системы только группой. Те, кто ступил на борт первого колониального транспорта, вот уже два года спят в объятиях низкотемпературных ячеек, а флот все еще тут — загрузка последнего из кораблей завершится не раньше чем через шесть месяцев.

Часть I БАРЬЕР

Глава 1

Пустошь.

*Территория бывшего государства Афганистан.
Апрель 2079 года...*

Тишина. Гулкая и вязкая, как в склепе. С небес льется сумрак, ближайšie утесы скал излучают слабую радиоактивность. Здесь и раньше природа была небогатой, а теперь, после ядерного удара, что нанесли Штаты по Китаю, только ветер сдувает с края горного плато прах и мелкие, частично оплавленные камушки; внизу в ущелье бежит, пенясь, горный поток, но брать воду из него опасно, — местность заражена не только радиацией, но и выбросами трех располагавшихся у подножия горного хребта химических производств.

Скальная гряда невысокая, порядком сглаженная временем. Ее прорезают два ущелья, оканчивающиеся некогда плодородными долинами. Именно они интересуют майора Вадима Туманова — в прошлом месяце

здесь, в районе разрушенных химических комбинатов, пропали две разведгруппы, передав перед исчезновением сообщение о подозрительной активности сервов. Однако сканеры орбитальной группировки по какой-то причине оказались неспособными определить, что именно происходит в долинах.

Майор вторые сутки осторожно подбирался к объекту. Он не спешил, соблюдая все меры предосторожности и сберегая силы. Причину внезапной несостоятельности спутников, способных различить номерной знак машины, едущей в потоке городского автотранспорта, он определил быстро: как и полагали в штабе дальневосточной группировки, ущелье и долину накрывала электронная маскирующая сеть, состоящая из тонко отстроенного излучения сотен микрогенераторов, усиливающих естественный радиационный фон, который на самом деле был намного ниже, чем показывали датчики спутников.

Из-за такой «засветки» приборы орбитальной группировки оказались бессильными, они фиксировали лишь аномальное пятно и основные формы рельефа. Оправданную тревогу вызвал тот факт, что ранее в данной местности все просматривалось четко и никакой повышенной радиоактивности не наблюдалось. Предположить, что спустя четыре года после завершения ядерного конфликта тут внезапно выпали «горячие» осадки, можно было лишь с большой натяжкой, — датчики Барьера, оградившего Россию от пагубных последствий применения ядерного оружия, вели постоянный мониторинг загрязнения воздушных масс, перемещающихся над превратившимися в пустоши территориями сопредельных государств.

Вадим собирался начать спуск в ущелье, откуда открывался выход в интересующую его долину, когда далеко на северо-востоке хмурые небеса озарил отсвет яростного пламени: это стартовал очередной грузопассажирский корабль, доставляющий людей на борт находящегося под загрузкой колониального транспорта.

Двадцать пять кораблей должны покинуть орбиту Земли через несколько часов.

Последний двадцать шестой транспорт еще достраивался, до завершения монтажных работ осталось чуть больше месяца.

Это задание было для Вадима последним. Он улетал на Новую Землю в составе тех, кто осуществлял финальный регламент Барьера. Те же, кто не решился на многолетний межзвездный перелет и рискованное (никто не скрывал данного обстоятельства) перерождение в камере биологической реконструкции, оставались на Земле, но таких насчитывалось немного. Были, конечно, люди, остающиеся не из-за фобий перед космическим полетом и технологическими новациями, позволяющими преодолевать межзвездные расстояния; каждый принимал добровольное решение, но для себя Туманов определился давно: здесь вполне справятся машины, а на Новой Земле его навыки и способности наверняка будут востребованы, помогут спасти немало жизней в первые годы обустройства колонии. К тому же он был одинок, — создавать семью здесь, в истощенной техногенной цивилизацией, фактически погибающем мире, было не то чтобы безумно, скорее, по его понятиям, — безответственно.

Дай бог, чтобы все получилось, как задумано, тогда наши дети смогут вернуться на Землю и, уже нау-

ченные опытом колонизации *иной планеты*, приступить к восстановлению колыбели человечества.

Он верил в это. В противном случае принял бы иное решение.

* * *

Спуск в ущелье прошел благополучно.

Выбирая маршрут, Вадим руководствовался соображениями скрытности. В том, что на бывших химических комбинатах творится что-то неладное, он был убежден, опыт не позволял ему строить иллюзий — обнаруженные на плато генераторы маскирующей системы оказались там не случайно.

Однако при том фоне остаточной радиации, который в действительности фиксировали приборы экипировки, трудно было заранее предположить, кто и зачем обосновался в старых цехах. Для людей горячевато, да и все, кто выжил, прекрасно знали, что за Барьером их примут. Россия не отказывала в помощи беженцам, страна за последние годы приняла несколько миллионов человек, даже тех, кто подвергся серьезному облучению.

...Ступив на каменную россыпь, протянувшуюся по берегу бурлящего потока, Туманов привычным движением освободил прочный трос от фиксаторов, и тот упал с пятидесятиметровой высоты, складываясь у его ног в коническую горку.

«Мутанты? — продолжал размышлять Вадим, сматывая упавший трос. — Вряд ли». После взрывов, произошедших в располагавшихся на территории Китая генетических лабораториях, в атмосферу было выброшено около десятка разновидностей генно-модифицирующих вирусов, от которых пострадали миллионы людей. Вирусы являлись разработками инженеров

Поднебесной, они влияли на организм определенным образом, не убивая его, но перестраивая метаболизм. Мутанты могли выжить в самых пагубных для человека условиях, однако при этом подвергалась явной деформации функция мышления. Китайские ученые, вероятно, пытались создать препарат, воздействующий на организм таким образом, чтобы человек мог выжить в жесточайших условиях внешней среды, но их опыты не были доведены до логического завершения, и вырвавшиеся на свободу «генетические модуляторы» приводили к половинчатому и пагубному эффекту.

Хотя явные успехи Китая в колонизации Марса наводили на мысль, что некоторые из исследований все же были завершены. Какой станет цивилизация «красной планеты» спустя, допустим, столетие, если для выживания там повсеместно применяются «генетические модуляторы», Туманову не хотелось даже думать. Он не раз сталкивался с мутантами и не видел в подобном подходе к изменению живого организма ничего перспективного.

Люди и животные, попавшие под воздействие генетических модификаторов, больше не могли расцениваться как представители исходного вида, помимо положительных (в условиях загрязненной радиацией окружающей среды) качеств, они приобретали чудовищные деформации, как физического, так и психического плана.

Нет, агрессивные, озабоченные только вопросами дня сегодняшнего банды мутантов хоть и представляли огромную опасность, но в данном случае таинственная деятельность, развернутая на бывших химических производствах, явно не имела к ним никакого отношения. Туманов еще не встречал мутан-

та, с которым можно было бы общаться более десяти-пятнадцати секунд, а уж о манипуляциях с их стороны сложными кибернетическими устройствами речи вообще быть не могло.

Оставался лишь один вариант — кибернетические механизмы. Уровень радиоактивного заражения местности для нормальной работы их вычислительных устройств вполне приемлем, развернуть электронную маскирующую сеть, «подогнав» ее под особенности рельефа местности, кибермеханизмам труда не составит, вот только вопрос: откуда, спустя четыре года после окончания войны, тут появился организованный отряд машин, и вообще зачем им понадобились старые химические производства?

Вот это Туманову и предстояло выяснить.

«Если заводы оккупированы сервомеханизмами, следует ждать плотного прикрытия объекта их интереса датчиками раннего обнаружения», — подумал Вадим, начиная движение по кромке бурного горного потока. Изучая ущелье сверху, он выяснил, что участок каменистого пляжа, на который он спустился, заканчивался через сотню метров, за плавным поворотом отвесных скал, далее поток образовывал жазатую с обеих сторон стремнину.

На что, собственно, он и рассчитывал. Люди или машины не станут уделять должного внимания практически непроходимому участку ущелья. И тех, и других подведет рационализм. В Пустоши следует опасаться двух видов противника: мутантов (как людей, так и животных) и остаточных групп сервомеханизмов, до сих пор влачащих ставшее бессмысленным существование на просторах театров бывших боевых действий, то есть противника следует ожидать с лю-

бого направления, кроме бурного, пенящегося, перекатывающегося по камням горного потока.

Вадим, экипированный по последнему слову техники, преодолеть горный поток мог. Герметизация боевого шлема и система молекулярных присосок, расположенная на ладонях, коленях, локтях и подошвах, поможет ему пройти под водой, используя крупные валуны в качестве точек опоры, а металлокевлар внешнего слоя брони уберезит тело от мелких, случайных травм.

На выходе из ущелья поток расширялся, терял свою стремительность и обретал глубину. Именно там, уже непосредственно в районе разрушенного войной завода, оказавшись внутри охранного периметра, Вадим рассчитывал выбраться на берег.

Нельзя сказать, что избранный им путь был легким и его смог бы преодолеть каждый спецназовец ВКС России, но не будь майор Туманов лучшим, его бы не послали в опасный одиночный поиск.

«Прорвемся...» — подумал он, активируя систему молекулярных опор-присосок.

* * *

Спуск по горной реке занял у Туманова пять часов.

Как он и ожидал, на километровом рубеже от объекта, где ущелье обрывалось отрогами скал и начиналась предгорная долина, над поверхностью воды четко отслеживалось излучение устройств охранного периметра.

«*Основательно устроились*», — подумал Вадим, осторожно продвигаясь по углубившемуся руслу. Количество активных датчиков превышало его скромные предварительные расчеты, по-прежнему оставалось непонятно, кто и зачем оккупировал полуразру-

Оглавление

Пролог 5

Часть I

БАРЬЕР

Глава 1. 22

Глава 2. 82

Глава 3. 131

Часть II

СПУТНИКОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Глава 4. 149

Глава 5. 172

Глава 6. 218

Часть III

ОБИТЕЛЬ

Глава 7. 236

Глава 8. 252

Глава 9. 306

Эпилог. 370